

А.В. ГЛУХОВА*

НОВЫЕ КРИЗИСЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ, ДИСКУРСИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ЕДИНСТВА В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье идет речь о новых явлениях, характеризующих современное политическое пространство. В их числе – новые кризисы, характеризующиеся множественной природой; социальные размежевания, разрушающие интеграцию национальных сообществ, и дискурсивные конфликты, отличающиеся противоположностью нарративов и взаимным ожесточением контрагентов – условных космополитов и коммунитаристов. Между ними отчетливо прослеживается раскол по отношению к разным принципиальным вопросам: к открытости общества (сохранению или обесцениванию границ); к сохранению национального суверенитета и воли большинства либо приоритету прав человека и правам меньшинств; сохранению климата (т.е. производственным ограничениям) или защите производств и т.д. Более молодая, образованная, городская часть общества демонстрирует космополитические взгляды, не рассматривает себя как социально обделенных, воспринимает глобализацию как шанс и уверенно идентифицирует себя как европейцев и граждан мира. Другая часть – более возрастная, менее образованная, живущая в сельской местности, прочно связана со своими локальными и национальными сообществами и воспринимает усиливающуюся проницаемость границ как угрозу для себя лично. Несмотря на то что граждане с коммунитаристскими позициями составляют гетерогенную группу с разнообразным социально-экономическим профилем, всех ее представителей объединяет один общий признак: субъективное восприятие опасности жить в прекрасных условиях или потерять свой социальный статус.

Еще более острый конфликт развертывается по вертикали – между космополитическими элитами с их привилегированной позицией и коммунитаристами.

* Глухова Александра Викторовна, доктор политических наук, заведующая кафедрой социологии и политологии, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), e-mail: avgukhova@mail.ru

Стигматизация элит как «антинациональных», «аморальных» и корыстных стала типичным приемом в борьбе правопопулистских партий и движений за поддержку избирателей.

Эти новые паттерны создают серьезную угрозу общественному единству и демократии. Особую опасность исследователи видят в новых феноменах морализации политики, политизации науки и общественной поляризации. Они – главные факторы риска в эпоху неопределенности, неуверенности и беспокойства.

Ключевые слова: глобализация; новые кризисы; социальные размежевания; дискурсивные конфликты; нарративы; космополиты и коммунитаристы; общественное единство; политизация науки; морализация политики, общественная поляризация; политическое действие.

Для цитирования: Глухова А.В. Новые кризисы, социальные размежевания, дискурсивные конфликты и проблема общественного единства в XXI веке // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 36–56. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.03.02>

Введение

Политическое развитие современного мира характеризуется все большим влиянием на него совокупности разнообразных факторов, определяющих не только форму протекания конфликтов, но и их содержательное наполнение. Все более заметную роль в формирующихся социальных расколах начинают играть не столько проблемы распределения / перераспределения материальных ресурсов, как это было характерно для эпохи модерна XX в., сколько проблемы признания и уважения. Вместе с тем идентификационные требования существуют не автономно, но формируют сложное переплетение и наложение размежеваний, обусловливающее высокую интенсивность конфликтного напряжения. Изменения в политико-экономической и общественной реальности приносят с собой новые конstellации интересов, выражаяющихся в определенных идеологических или культурных мировоззрениях.

В основе экономической и культурной диверсификации последних десятилетий лежит процесс глобализации, которая выступает одновременно и в качестве мощного конфликтогенного фактора, резко усилившего дезорганизацию мировых и внутринациональных связей и отношений. Глобализация отмечена заметным экономическим ростом в масштабах всего мирового сообщества, однако она же резко усилила имущественное расслоение внутри отдельных стран и между ними. Последнее чревато серьезными полити-

ческими рисками, поскольку новые и весьма могущественные экономические субъекты в лице транснациональных корпораций и глобальных компаний получили невиданную прежде свободу действий и не ограничены никакими экономическими или политическими международными режимами.

Другое негативное последствие глобализации заключается в том, что она оказалась политически неоформленной, поскольку инициатива была отдана экономическому неолиберализму и культурной идентификации, породившим новые экономические и социокультурные расколы. В силу этого масса людей, проигравших от глобализации, оказались вне сети политического восприятия и представительства [Dahrendorf, 1998]. Это привело к формированию контрпродуктивной оппозиции процессам глобализации и интеграции в лице лево- и правопопулистских партий, переживавших впечатляющий политический взлет во втором десятилетии XXI в. [Глухова, 2017].

Между тем политическое сообщество, включая успешную демократию, требует «здравого смысла» (Макс Вебер) и чувства общности, которые перед лицом серьезных политических и социальных вызовов мотивируют коллективные и индивидуальные действия, обеспечивают ориентацию и отвечают на вопрос о будущем *res publica*. Парадокс современных республик, основанных на праве и общем благе, состоит в том, что последнее не существует как таковое, а является частью тех предпосылок, которые свободное правовое государство не всегда может гарантировать и обеспечить, даже если оно может требовать и продвигать эти ценности¹ [Kronenberg, 2013].

Природа новых конфликтных линий

Новые конфликтные линии, возникшие в современных обществах, остаются отчетливо определенными в социально-экономическом плане, однако они имеют существенно иные социокультурные черты, нежели это было в эпоху промышленной

¹ Kronenberg V. Was hält die Gesellschaft zusammen? Ein Blick zurück nach vorn // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2013. – March 18. – Mode of access: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/156760/was-haelt-die-gesellschaft-zusammen-ein-blick-zurueck-nach-vorn/> (accessed: 21.05.2022).

революции XVIII–XIX вв. По данным политических социологов, практически во всех экономически развитых государствах отчетливо выделяются два идеал-тиpических лагеря, противостоящих друг другу, которые условно можно обозначить как «космополитов» и «коммунитаристов»¹. Между ними четко прослеживается раскол по отношению к разным принципиальным вопросам и позициям: открытости общества (сохранению или обесцениванию границ); к сохранению национального суверенитета и воли большинства внутри страны либо приоритету прав человека и правам меньшинств; сохранению климата (т.е. производственным ограничениям) или, напротив, защите производств и т.д. Более молодая, образованная, городская часть общества демонстрирует космополитические взгляды, не рассматривает себя как социально обделенных, воспринимает глобализацию как шанс и уверенно идентифицирует себя как европейцев и граждан мира. Другая часть – более возрастная, менее образованная, живущая в сельской местности, прочно связана со своими локальными и национальными сообществами и воспринимает усиливающуюся проницаемость границ как угрозу для себя лично. Хотя граждане, представляющие коммунитаристские позиции, составляют группу с очень гетерогенным социально-экономическим профилем, всех ее представителей объединяет один признак: субъективное восприятие опасности жить в прекрасных условиях или не суметь сохранить свой социальный статус² [Teney, 2019].

Еще более острый конфликт развертывается по вертикали – между космополитическими элитами с их привилегированной экономической и социальной позицией и коммунитаристами. Стигматизация элит как «антинациональных», «аморальных», обогащающих за счет всех остальных, стала типичным приемом, используемым правопопулистскими партиями и движениями в

¹ Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. Gespräch mit Wolfgang Merkel, Michael Zürn // Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte. – 2019. – June 4. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/die-neue-konfliktlinie-und-die-rolle-des-politischen-2750/> (accessed: 21.05.2022).

² Teney C. Über die Kluft zwischen kosmopolitischen und kommunitaristischen Einstellungen in der Gesellschaft. Distanzierung, Mobilisierung, Politisierung // Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte. – 2019. – June 4. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/distanzierung-mobilisierung-politisierung-2752/> (accessed: 21.05.2022).

борьбе за поддержку избирателей-коммунитариев в рамках практикуемой ими политики идентичности¹.

Политические и социальные вызовы, с которыми сегодня сталкиваются европейские страны, огромны. Несмотря на активизацию социокультурных расколов, никуда не исчезло размежевание, исследованное в свое время К. Марксом. В то время как количество граждан, считающихся бедными, с годами увеличилось, доля населения, составляющая всего 10%, в настоящее время контролирует две трети частного богатства (например, в современной Германии). Ввиду этого разрыва неизбежно встает вопрос о внутренней сплоченности сообщества, на которое когда-то навевался ярлык «уравнительного мещанского общества». Не менее отчетливо в центре общественной повестки встает демографический кризис, требующий все большего внимания. Существует серьезный риск демографического дисбаланса с огромными социальными издержками. На фоне невиданного наплыва мигрантов из Северной Африки и с Ближнего Востока все более актуальным становится вопрос о содержательных интеграционных мерах, о конкретном представлении о том, как люди хотят жить и сосуществовать в будущем [Глухова, 2018]. Потребность в социальной сплоченности в конечном счете выходит за рамки национальных границ, а вопросы общей идентичности, солидарности и прочности должны обсуждаться также с учетом будущего различных интеграционных образований, прежде всего Европейского союза.

По мнению немецкого исследователя В. Кроненберга, центральной задачей для политики, бизнеса и гражданского общества во втором десятилетии XXI в. становится готовность вносить свой вклад в обеспечение социальной сплоченности в Федеративной Республике Германии, «будь то отношения между “бедными и богатыми”, между “старыми и молодыми”, между “аборигенами” и “мигрантами” (не желающими интегрироваться) или между европейской “солидарностью” и национальным “эгоизмом”»². Тот факт,

¹ Die neue Konfliktlinie und die Rolle des Politischen. Gespräch mit Wolfgang Merkel, Michael Zürn // Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte. – 2019. – June 4. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/die-neue-konfliktlinie-und-die-rolle-des-politischen-2750/> (accessed: 21.05.2022).

² Kronenberg V. Was hält die Gesellschaft zusammen? Ein Blick zurück nach vorn // Aus Politik und Zeitgeschichte. – 2013. – March 18. – Mode of access:

что решение этих задач требует значительных финансовых ресурсов, столь же бесспорен, сколь и деликатен – достаточно вспомнить об обременительном коэффициенте государственного долга, конституционном долговом тормозе, европейских обязательствах и вопросе межпоколенческой справедливости. «Однако требуются не только денежные выгоды и, возможно, юридические, административные и процедурные изменения, но и более глубокое понимание того, “куда”, “почему” и “как”. Необходим консенсус в обществе в целом или обновленное понимание в изменившихся рамочных условиях того, что объединяет общество, несмотря на существующие конфликты и помимо них»¹.

Таким образом, речь идет о ценностной основе, которая одновременно стабилизирует и превосходит принципы, изложенные в конституции для оформления отношений между государством и гражданином². Тем самым вопрос об общественном единстве явно или неявно стоит в связи с любым из названных кризисов, которые в каждом случае различны, но тем не менее – на фундаментальном уровне – тесно взаимосвязаны, поскольку речь идет об отношении индивидуума к сообществу, «я» к «мы» и, что еще важнее, к вопросу о том, кто принадлежит к «мы» и почему. И последнее, но не менее важное заключается в том, чтобы выяснить, что именно отличает «мы» как отдельную идентичность от «других» и что в свою очередь, помимо договоров и процедур, является связующим фактором, объединяющим индивидуальные идентичности – а в европейском контексте и нации – в рамках одного «единства».

По мнению известного экономиста и историка идей А.О. Хиршмана, для современных демократических обществ типично тревожащее ощущение собственной оторванности не просто от мнений, но от всего жизненного опыта большого числа своих современников. «Сегодня, когда все превозносят демократическую модель³, размышления об изъянах западной демократии могут по-

<https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/156760/was-haelt-die-gesellschaft-zusammen-ein-blick-zurueck-nach-vorn/> (accessed: 21.05.2022).

¹ Ibid.

² Это основание, исследованию которого в древности способствовал Цицерон, в Средние века, среди прочих, – Фома Аквинский, а среди современных авторов – Эмиль Дюркгейм, Толкотт Парсонс, Фридрих Август фон Хайек, Юрген Хабермас и Роберт Белла, разрабатывавшие разные аспекты этой сложной проблемы.

³ Эта оценка адресована 1990-м годам.

казаться неуместными, – отмечает А. Хиршман. – Но именно зрелищное и воодушевляющее крушение одних стен заставляет нас обратить внимание на те стены, которые остаются нетронутыми, на те разломы, которые продолжают углубляться. Среди них есть один, который очень часто можно наблюдать в самых развитых демократиях: систематическая нехватка общения между такими группами граждан, как либералы и консерваторы, прогрессисты и реакционеры. Вытекающая отсюда обособленность больших групп граждан друг от друга кажется мне более тревожающей, чем изоляция аномичных индивидов в “массовом обществе”, о чем столь громогласно заявляют социологи» [Хиршман, 2021, с. 8]. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что стабильность и эффективное функционирование демократического общества зависят от его дифференциации на несколько определенных групп, придерживающихся разных мнений относительно базовых политических проблем. Но если между этими группами вырастает настоящая стена, то демократическая консолидация общества оказывается под угрозой. Свою задачу А. Хиршман видит в том, чтобы осуществить «холодный» анализ внешних феноменов: дискурсов, аргументов и риторики, рассмотренных исторически и аналитически. «...Дискурс определяется не столько базовыми чертами личности, сколько *императивами аргументации*, практически не зависящими от желаний, склада характера или убеждений участников» [Хиршман, 2021, с. 9]. Аналогичную мысль неоднократно высказывал другой известный европейский интеллектуал М. Кастельс, утверждая, что сущностью современной публичной политики становится именно «борьба за дискурс» [Кастельс, 2017].

В новых условиях происходит переосмысление роли социальных сетей в качестве нового инструмента публичной политики и даже ее субъекта. Если в 1970–1980-е годы новые социальные движения, благодаря своей контробщественности, связанной с новыми внушительными формами гражданского протеста, смогли «навязать» свое мнение общественным и частным СМИ, то с наступлением эры социальных сетей, их «глобальным триумфальным шествием» картина существенно изменилась. С одной стороны, многие прогрессивные игроки из сферы гражданского общества увидели в них долгожданную техническую инфраструктуру для базовой, демократически обоснованной, совещательной общественности за пределами устоявшейся общественности. Но, с другой

стороны, разрушительный потенциал сетей раскрывается только благодаря тому, каким образом пользователи новых медиа применяют платформы. Для последних характерны две определяющие особенности «временного пребывания»: во-первых, в журналистике отсутствует функция «привратника» с ее «профессиональным отбором и дискурсивным анализом контента на основе общепринятых когнитивных стандартов». Во-вторых, отсутствует четкое разделение общественного пространства¹.

Таким образом, обнаруживается достаточно парадоксальная и неутешительная по своим результатам картина: вместо большой инклюзивной общественности, в которую так верил Ю. Хабермас и благодаря которой живет демократия, сегодня нередко возникает замкнутая «полуобщественность» развязного нарциссизма, безответственности и взаимной исключительности. «Великое обещание освобождения сегодня заглушается звуками пустыни в раздробленных, кружящихся внутри самих себя эхо-пространствах», – констатирует Ю. Хабермас, приходя к выводу о деструктивном потенциале социальных медиа и негативных последствиях «нового структурного преобразования общественности»².

В политологическом языке появляются обозначения, пытающиеся отразить характерные черты этих новых социально-экономических и политico-культурных явлений: «разделенные общества», «новые кризисы» и т.д. Понятие «разделенное общество» сегодня трактуется двояко: как в плане институциональных разделений в «многосоставных обществах» [Лейпхарт, 1997], так и в плане подходов к анализу социальных размежеваний (клива-жей) в процессе строительства национальных государств в Европе, теоретически обоснованных С. Рокканом и С. Липсетом [Rokkan, 2000]. На основе синergии этих теоретико-методологических подходов разрабатываются обобщенные типологии таких размежеваний в обществах с разными политическими режимами и разным восприятием социального благополучия. «Это особенно актуально для формирования повестки политики

¹ Meyer T. Jürgen Habermas über das destruktive Potenzial „sozialer“ Medien. Noch ein Strukturwandel der Öffentlichkeit // Neue Gesellschaft. – 2022. – January 11. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/noch-ein-strukturwandel-der-oeffentlichkeit-3356/> (accessed: 21.05.2022).

² Ibid.

развития в обществах, где углубляются социальные размежевания и кумулятивные эффекты традиционных и новых кливажей взаимно усиливают друг друга», – отмечают отечественные исследователи разделенных обществ [Семененко, Лапкин, Пантин, 2021]. Стоит напомнить, что на отмечаемый ими кумулятивный эффект, возникающий в ходе конфликта и определяющий его интенсивность и насилийственность, впервые обратил внимание Р. Дарендорф.

Новые кризисы и их кумулятивные эффекты

Понятие «новый кризис», прочно обосновавшееся в политологическом словаре в последнее время, заслуживает самого пристального внимания исследователей. В первую очередь под новым кризисом понимается сложное соединение его объективного и субъективного измерений, переплетение разнообразных характеристик. При этом субъективная составляющая приобретает все большее значение, поскольку связана с конструкцией того кризисного нарратива, через который в общественный дискурс вовлекается большое количество акторов – правительство, оппозиция, media и т.д.

Зарубежные и отечественные ученые приходят к выводу, что новые кризисы представляют собой огромный вызов для демократии. По мнению немецкого ученого В. Меркеля, если речь идет о кризисе беженцев и мигрантов 2015 г., о климатическом кризисе, который уже давно тлеет или даже пылает, а также о продолжающемся кризисе COVID-19, то эти кризисы воссоздают три качества, которые переплетаются в определенной последовательности и способствуют расколу демократических обществ. При этом именно в этих «новых» кризисах становится очевидным, что они всегда обладают объективным и субъективным измерением¹.

¹ Merkel W. Moralisierung und Polarisierung als gesellschaftliche Signatur // Neue Gesellschaft. – 2021. – N 8. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/moralisierung-und-polarisierung-als-gesellschaftliche-signatur-3240/> (accessed: 21.05.2022).

Объективное измерение включает в себя реальные факты¹. В кризисе беженцев и мигрантов 2015 г. отмечается чрезвычайно быстрый их приток в Западную Европу, особенно в такие страны, как Австрия, Германия и Швеция. В условиях климатического кризиса особенно серьезным обстоятельством считается устойчивое увеличение риска глобального потепления, вызванного прежде всего тем, что происходит в развитых странах мира. Во время пандемии коронавируса опасность представляли быстрое увеличение числа инфекций, смертности и перегруженности больничных отделений интенсивной терапии.

Все это – лишь неполный перечень причин и факторов трех новых кризисов. Вместе с тем ни один из них нельзя объяснить только «объективными» фактами. Всегда существует и имеет чрезвычайно важное значение также и субъективное измерение кризиса, включая построение критического нарратива. «Повествования продолжают развиваться в социальных дискурсах правительства, оппозиции, новых политических кризисных предпринимателей, средств массовой информации, демагогов или социальных движений, особенно в неспокойные времена, – пишет В. Меркель. – Для этого могут быть законные или незаконные причины. Но кризис не является кризисом до тех пор, пока люди в большинстве своем не поверят в то, что это кризис. Этому убеждению способствуют кризисные нарративы, а также “объективные” факты, которые первые пытаются прояснить или исправить. Прежде всего, именно эти кризисные повествования питают внимание к трем характеристикам новых кризисов, а именно к отказу от науки, морализации и поляризации»².

Каким образом в трех вышеназванных кризисах обозначилась роль науки? Это произошло вследствие размытия границ между нейтральной наукой, открытой для получения достоверных результа-

¹ В кризисе фондового рынка доткомов 2000 г. именно лопнувший пузырь отправил на свалку переоцененные технологические новации. Во время финансового кризиса 2008 г. был всплеск кредитного пузыря на недвижимость сначала в США, а затем и в Европе. Во время многослойного кризиса евро наблюдался быстрый рост общего частного и государственного долга, снижение гибких обменных курсов.

² Merkel W. *Moralisierung und Polarisierung als gesellschaftliche Signatur // Neue Gesellschaft*. – 2021. – N 8. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/moralisierung-und-polarisierung-als-gesellschaftliche-signatur-3240/> (accessed: 21.05.2022).

тов, и партийно-политической активностью. По мнению В. Меркеля, в кризисе беженцев и миграции 2015 г. политические элиты и их стандартные советники все еще опирались на свой собственный опыт, однако в ряде случаев заметную роль стали играть политические аналитические центры и НПО. Так, иногда даже разрабатывались целые схемы решений за пределами министерских штабов, например об использовании территории Турции для обустройства беженцев по согласованию с президентом Р. Эрдоганом. Однако только климатический кризис и пандемия привели к тому, что спрос на научные знания среди элиты, принимающей решения, резко возрос. Вместе с тем границы между нейтральной и открытой наукой и политико-партийным ангажементом фактически стерлись¹.

С пандемией коронавируса все было по-другому. Здесь правительство в лице канцлера Германии выбрало эпидемиологов и вирусологов, в основном из тех экспертов, которые включили сценарии развития болезни в политические и медиадебаты. Иными словами, правительство сначала политизировало науку в одностороннем порядке, но наука в свою очередь взяла реванш и пренебрегла политикой борьбы с пандемией вплоть до предложения мероприятий по локдауну. Эпидемиологи были услышаны, но правительство в значительной степени оставило вне поля зрения педагогов, исследователей в области образования, психологов, политологов, экономистов или государственных правозащитников. «Множественные цели любой демократически-представительной политики были принесены в жертву единственной цели одномерного решения проблем. Позиции, которые ошибочно считают научные данные абсолютными и хотят предложить их как моральный имп-

¹ Merkel W. *Moralisierung und Polarisierung als gesellschaftliche Signatur // Neue Gesellschaft.* – 2021. – N 8. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/moralisierung-und-polarisierung-als-gesellschaftliche-signatur-3240/> (accessed: 21.05.2022).

Климатический кризис еще мог в значительной степени получить собственную научную политическую основу, даже за пределами открытого государственного вмешательства. Однако политизация науки отчасти произошла изнутри: активисты-исследователи при логистической поддержке государственных агентств создали движение «Ученые за будущее» и представили реальное социальное движение «Пятница за будущее» с результатами своих исследований и упрощенными сценариями наихудшего случая.

ратив политики, искажают принцип К. Поппера “проб и ошибок”, а также управляемую процедурой сущность непредвиденных демократических решений», – считает В. Меркель¹. Институты и процедуры демократии являются a priori fix, результаты же контингентны. Это – один из кардинальных отличительных знаков демократического способа правления от авторитарного, где процессуальный порядок «моделируется» в соответствии с желаемым, заранее фиксированным результатом.

Другую опасность для демократии является собой растущая морализация политики, как частичная и уничижительная форма выражения морали. Как отмечает В. Меркель, «это самодовольная стилизация собственной моральной позиции, тип игры эгоцентризма, моральная показуха и страхование идентичности, которое ссылается на выражение собственного морального превосходства». Этот тип морализации не ориентирован на взаимопонимание, а следует эгоцентричности исключения. Такой нарциссический избыток морализации формирует лагерь леволиберальных «космополитов»². Примером могут служить спорные дебаты по борьбе с коронавирусом, в которых при обсуждении сложных вопросов, касающихся права на жизнь и физическую неприкосновенность, с одной стороны, и гарантий прав свободы – с другой, первая позиция морализаторски была объявлена высшим основным правом, а сторонники ее баланса с правами свободы в пандемической дискуссии были обвинены в недооценке жизни своих собратьев. «Хотя, за исключением “Альтернативы для Германии”, официальные дискурсы в парламенте все еще велись достаточно цивилизованно, в Сети нередко из-за морализации позиций они превращались в ненависть и травлю»³.

Противоположная сторона – «коммунитаристы» – испытывает избыток национализма и традиционализма, поскольку тради-

¹ Merkel W. *Moralisierung und Polarisierung als gesellschaftliche Signatur // Neue Gesellschaft.* – 2021. – N 8. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/moralisierung-und-polarisierung-als-gesellschaftliche-signatur-3240/> (accessed: 21.05.2022).

² Ibid.

³ Merkel W. *Wie der Moralisierung die Demokratie gefährdet. Offene Gesellschaften müssen offen bleiben // Neue Gesellschaft.* – 2022. – N 1/2. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/offene-gesellschaften-müssen-offen-bleiben-3344/> (accessed: 21.05.2022).

ция и нация гарантируют ей определенную идентичность. Таким образом, семантические и нормативные мосты между лагерями сегодня почти не пересекаются. Новый двоичный код выглядит bipolarно: истина против лжи, мораль против безнравственности, наука против отрицания. Плюрализм ценностей и мировоззрений воспринимается как презумпция, противники становятся политическими врагами (в логике К. Шмитта «свой – чужой»). Вместе с тем следует помнить, что две основные группы – «космополитов» и традиционалистских или даже националистических «коммунистов» – составляют не более трети общества, хотя их аргументы определяют публичные дискурсы.

Третья характеристика «новых» кризисов – поляризация, являющаяся следствием попытки обеих сторон интегрировать сложные общества при помощи своей партикулярной (досовременной) морали. Общество большинства следит за этими дискурсами с беспокойством и непониманием, но молчит, и именно это молчание позволяет поляризовать два дискурсивных лагеря. Ожесточенные культурные дискурсы и потеря сочувствия и компромисса знаменуют переход большинства западных стран от яркого плюрализма и взаимопонимания к бескомпромиссной поляризации.

Что нужно сделать, чтобы нарушить эту порочную динамику? Очевидно, необходимо положить конец морализации науки и политики и заменить ее моралью критической саморефлексии и взаимопонимания. Необходимо признать, что наука не может заменить собою политику; отклонения от научных доказательств не должны основываться на когнитивной иррациональности: они могут быть привержены утомительному компромиссному калькулированию политических решений. Демократия требует времени, терпимости и диссидентства, и признание этого снижает риски поляризации.

Динамика социальных размежеваний в России

Российское общество также не свободно от внутренней дифференциации; более того, оно также постепенно превращается в разделенное общество. Согласно данным исследования Ю. Коргунюка, политическое пространство России в 2000–2011 гг. определяли три главных размежевания: 1) социально-экономическое; 2) системное,

указывающее направление развития страны; 3) авторитарно-демократическое. В 2012–2013 гг. в этой иерархии произошли заметные изменения: первое место заняло авторитарно-демократическое размежевание, второе – социально-экономическое, третье – системное. Крымско-украинские события 2014 г. выдвинули на первый план системное («имперское») размежевание. В 2015–2016 гг. доминировало властно-антивластное противостояние (т.е. противостояние власти и оппозиции). Наконец, на думских выборах 2016 г. системное размежевание сохранило ведущие позиции, но за ним следовали авторитарно-демократическое и социально-экономическое размежевания [Коргунюк, 2019].

Экспертный опрос, проведенный сотрудниками кафедры социологии и политологии Воронежского госуниверситета в 2019 г., зафиксировал по меньшей мере три раскола, представляющих серьезными рисками для общественной консолидации и политической стабильности российского государства: полиэтничность – государствообразующий народ; федеральный Центр – субъекты РФ; открытое – закрытое общество (в плане контактов и коммуникации власти и населения) [Внутриполитическая повестка дня ..., 2020]. Даже болезненный для россиян социально-экономический раскол («богатые – бедные») отошел на дальний план, подтверждая общемировой тренд на требование признания, уважения достоинства и иные постматериальные ценности.

События 2020–2021 гг. в российской политике неожиданно обнаружили новые конфликтные размежевания, порожденные помимо прочего экстремальной эпидемиологической ситуацией. Возникло достаточно жесткое противостояние так называемых ковид-диссидентов (т.е. граждан, игнорирующих сам факт угрозы здоровью и жизни) и ковид-реалистов, признающих всю серьезность ситуации. По мере ужесточения реакции правительства на масштабы эпидемиологического бедствия (в плане обязательности прививок от ковида) формируется еще более радикальный раскол на так называемых «ваксеров» и «антиваксеров» (т.е. сторонников и противников вакцинирования), а затем на сторонников и противников QR-кодов. Показательно, что эта линия размежевания проходит через все социальные группы, независимо от уровня материального достатка, образования, пола, возраста, места проживания. Городские жители, несмотря на больший объем информа-

ции и доступ к цифровым технологиям, представлены как в одной, так и в другой противостоящей группе.

После начала военной спецоперации РФ на Украине (февраль 2022 г.) страна вошла в новый раскол – между сторонниками и противниками военного решения политического конфликта. Несмотря на внешнюю сплоченность большинства россиян «вокруг флага» (70%, по данным Левада-центра), трактовка происходящих событий респондентами показывает широкий диапазон значений и нарративов. Подавляющее большинство информантов трактует действия российской армии как защиту мирных жителей Донбасса и собственных российских границ, усматривая в этом исключительно благородную и оборонительную цель – достоверной информации о числе жертв с обеих сторон, в том числе гражданского населения, не предоставляется. Тем не менее власти преследуют любую попытку трактовать происходящие события как войну, вводя за это уголовное наказание, и в целом призывают воспринимать все свои действия исключительно как оправданные и не подлежащие оспариванию. «Галопирующая централизация остается генеральным трендом, – пишет один из провластных идеологов В. Сурков. – Применение экстрактов исторической памяти, пророческой морали, административно-духовных ценностей и других тяжелых социальных консервантов в неограниченных дозах обеспечивает сохранение желанной стабильности»¹.

На наш взгляд, в новых условиях формируется достаточно традиционный для России конфликт между проевропейски ориентированным культурным слоем, включая часть политической элиты, и остальной частью правящего класса и общества, разделяющего фундаменталистские православные ценности, имперское мессианство, национализм и культ насилия. Для последних характерна открытая ненависть к Западу, его диффамация через гей-парады и однополые браки, моральную распущенность («либеральные ценности»), ущербность его институционального устройства и т.д. «Иллюзия выбора является важнейшей из иллюзий, коронным трюком западного образа жизни вообще и западной демократии в частности, давно уже приверженной идеям скорее

¹ Сурков В. Куда делся хаос? Распаковка стабильности // Актуальные комментарии. – 2021. – 11 ноября. – Режим доступа: <https://actualcomment.ru/kudelsya-khaos-raspakovka-stabilnosti-2111201336.html> (дата посещения: 21.05.2022).

Барнума, чем Клисфена, – утверждает В. Сурков. – Отказ от этой иллюзии в пользу реализма предопределенности привел наше общество в начале к размышлению о своем, особом, суверенном варианте демократического развития, а затем и к полной утрате интереса к дискуссиям на тему, какой должна быть демократия и должна ли она в принципе быть¹. Наиболее одиозные представители этого сегмента властующей элиты готовы бросить Западу военный вызов, включая использование превентивного ядерного удара. Происходящие события невротизируют общество, консолидация в поддержку власти выглядит ситуационной, отодвигая на задний план действительно необходимую стране гражданскую консолидацию на основе ценностей развития, общего блага, справедливости и эмпатии.

Решение проблемы нивелирования и «снятия» (Г. Гегель) сформировавшихся расколов становится чрезвычайно значимым в научном плане и актуальным в практически-политическом смысле, особенно в условиях территориально напряженной и полиструктурной (сложносоставной) страны, отличающейся большим региональным, религиозным и этническим разнообразием, а также очевидным межпоколенческим расколом и классическим размежеванием «город – село». Наличие этих расколов демонстрирует неструктурированность мнений, отсутствие публичных (и партийных) дискуссий, полноценной коммуникации в формате публичного дискурса. Следовательно, политическая система не справляется со своими функциями, не формирует единое ценностное пространство страны. Но напряжение, раздражение в обществе нарастает параллельно с ростом конформизма, боязни перемен как угрозы потери стабильности существования. И вместе с тем у россиян сформировался не только ясно выраженный материальный запрос к власти, но и требование справедливости, уважения достоинства, политического представительства и полноценной коммуникации, т.е. обратной связи с властью. Политизация сформировавшихся кливажей опасна разрывом ценностного пространства страны, идентификационным кризисом, делегитимацией властных институтов и структур. Напротив, целеполагание и «градус» взаимодействий институтов

¹ Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. – 2019. – 11 февраля. – Режим доступа: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата посещения: 21.05.2022).

государства и граждан определяют ценности доверия, ответственности, социальной солидарности, имеющие ключевое значение для консолидации сообщества, решающего политico-управленческие задачи обеспечения жизнеспособности институтов на основе не-конфликтного согласования интересов. В практической политике стоит вопрос об обращении к идентичности как нематериальному ресурсу развития, который может способствовать продвижению этих ценностей и в элитных, и в массовых группах на разных уровнях взаимодействия [Семененко, 2021].

Заключение

Таким образом, все больше проясняется формула существования современного мира как неопределенного и текущего. По словам немецкого военного теоретика Х. Мюнклера, «мы уже довольно давно живем в эпоху неопределенности, которая характеризуется повышенной социальной нервозностью, страхом перед будущим до апокалиптических сценариев, а также повествованием, наполненным смыслом упадка»¹. Очевидно, что мир переживает трансформацию в сторону культурных столкновений, которые приобрели значительное место в дискурсивном пространстве, хотя и не имеют материальной основы для формирования жизни людей. «Порою не скандалное неравенство жизненных возможностей расщепляет западные общества, а дискурсивно вызванная постматериалистическая культурная борьба», – подчеркивает В. Меркель². Миграционный, пандемический и климатический кризисы играют в этом процессе усугубляющую роль. Вместе с тем открытые общества должны оставаться открытыми. Убеждать должны аргументы и, прежде всего, справедливая ува-

¹ Münkler H. Eine Ära der Ungewissheit // Frankfurter Hefte. – 2022. – January 11. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/eine-aera-der-ungewissheit-3338/> (accessed: 21.05.2022).

² Merkel W. Moralisierung und Polarisierung als gesellschaftliche Signatur // Neue Gesellschaft. – 2021. – N 8. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/moralisierung-und-polarisierung-als-gesellschaftliche-signatur-3240/> (accessed: 21.05.2022).

жительная политика. Демократия рождается через убеждения и справедливость, а не через запреты и репрессии¹.

Бегство от реальности через «спасение в последнюю секунду» – это акт отчаяния, но не политическое действие. А именно политические действия должны противостоять преобладающим условиям неопределенности, выдерживать их и искать на них ответы. Политика, основанная на размышлениях об упадке и узаконенная в них, хотя и может найти большое одобрение в связанных с ней кругах, закончится катастрофой как самоисполняющееся пророчество, потому что она не проверила и не испытала на прочность контрсредства. Ее единственные советники – страх и отчаяние, чье влияние резко возрастает во времена неопределенности. Именно поэтому их нужно держать подальше от политики. Предназначение политики заключается в том, чтобы всеми силами постараться избежать катастрофы. «Радикальные маневры приводят к политической катастрофе, потому что они в основном перегружают систему, на которую они воздействуют. Возможно, в предыдущих обществах все было по-другому. Сложные общества нашего времени допускают только медленные и продуманные изменения»².

Сформировавшиеся в последние два-три десятилетия социальные расколы настоятельно требуют методологически скоординированных научных подходов, не ограниченных только рамками социологического и политического анализа. В сложившихся обстоятельствах на приоритетную роль не без оснований претендует культурологический подход, посредством которого проверяется реакция на новые вызовы социальных субъектов – от отдельного индивида до социальных групп и организаций. Политизация указанных размежеваний переводит проблему в плоскость конфликтологического анализа, и соответственно требует учета всего арсенала практических действий субъектов конфликта, включая их

¹ Merkel W. Wie der Moralisierung die Demokratie gefährdet. Offene Gesellschaften müssen offen bleiben // Neue Gesellschaft. – 2022. – N 1/2. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/offene-gesellschaften-müssen-offen-bleiben-3344/> (accessed: 21.05.2022).

² Münkler H. Eine Ära der Ungewissheit // Frankfurter Hefte. – 2022. – January 11. – Mode of access: <https://www.frankfurter-hefte.de/artikel/eine-aera-der-ungewissheit-3338/> (accessed: 21.05.2022).

ценностные ориентации, поведенческие стратегии, ресурсный потенциал и т.д.

A.V. Glukhova*
**New crises, social differences, discourse
of conflict and public unity in the XXI century**

Abstract. The author focuses on the idea that the new discourse of conflict characterizes the modern political space. Two main features characterized current crises in political relations inside and outside the countries. Firstly, social divisions that destroy the integration of national communities. Secondly, discursive conflicts, characterized by the opposite narratives and mutual bitterness of cosmopolitans and communitarians. These new patterns are the serious threat to social unity and democracy. Modern researchers see a danger in the new phenomena of the moralization of politics, the politicization of science and social polarization. Were marked as challenges in an era of uncertainty and anxiety.

They are divided by the relations to the crucial issues such as: the limits of the open society (preservation or devaluation of borders); national sovereignty and the rights of minorities; climate changes (environment protection, restrictions for the industries), etc. Young urban citizens with higher education demonstrates cosmopolitan values. They do not identify themselves as social losers and use a globalization as an opportunity for development. They are those who identify themselves as Europeans and citizens of the world. The less educated social group of elders, living in rural areas, is firmly connected with their local and national communities and perceives the increasing of freedom as a threat to themselves. Even though citizens with communitarian positions constitute a heterogeneous group with a diverse socio-economic profile, all of its representatives share one common feature: the subjective perception of the danger of living in precarious conditions or lose their social status.

The vertical conflict is between the cosmopolitan elites (with their privileged positions) and the communitarians. Stigmatization of elites as «anti-national», «immoral», and self-serving has become a typical device in the struggle of right-wing populist parties and voter support movements.

These new patterns are marked as a threat to social cohesion and democracy. Researchers see a danger in the new phenomena of the moralization of politics, the politicization of science and social polarization. They are the main risks in an era of uncertainty, uncertainty and anxiety.

Keywords: globalization; new crises; social divisions; discursive conflicts; narratives; cosmopolitans and communitarians; social unity; political action.

*Glukhova Alexandra, Voronezh State University (Voronezh, Russia),
e-mail: avglukhova@mail.ru

For citation: Glukhova A.V. New crises, social differences, discourse of conflict and public unity in the XXI century. *Political science (RU)*. 2022, N 3, P. 36–56. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.03.02>

References

- Castells M. *The power of communication*. Moscow: Higher school of economics, 2017, 591 p. (In Russ.)
- Dahrendorf R. Anmerkungen zur Globalisierung. In: Beck U. (ed.). *Perspektiven der Weltgesellschaft*. Frankfurt am Main, 1998, S. 41–54. (In Germ.)
- Glukhova A.V. (ed.). *Domestic political agenda as a factor in the unity of modern Russia*. Voronezh: Scientific book, 2020, 248 p. (In Russ.)
- Glukhova A. Migration in political processes of Modern Europe (conflict potential and social integration). *Political expertise. POLITEX*. 2018, Vol. 14, N 4, P. 444–464. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2018.401> (In Russ.)
- Glukhova A. Populism as a political phenomenon: the challenge of modern democracy. *POLIS. Political studies*. 2017, N 4, P. 49–68. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.05> (In Russ.)
- Hirshman A.O. *Rhetoric of reaction: perversion, futility, danger*. Moscow: Higher school of economics, 2021, 208 p. (In Russ.)
- Korgunyuk Y.G. The concept of delimitations and the theory of problematic measurements: intersection points. *Polis. Political studies*. 2019, N 6, P. 95–112. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.08> (In Russ.)
- Leiphart A. *Democracy in multi-component societies: a comparative study*. Moscow: Aspect press, 1997, 287 p. (In Russ.)
- Rokkan S. *Staat, Nation and Demokratie in Europa. Die Theorie Stein Rokkans aus seinen gesammelten Werken rekonstruiert und eingeleitet von Peter Flora*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2000, 500 s. (In Germ.)
- Semenenko I.S. Rethinking development in social sciences: on the threshold of an ethical turn. *Polis. Political studies*. 2021, N 2, P. 25–45. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03> (In Russ.)
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Social cleavages and political divides in a theoretical perspective: criteria for assessment and classification. *Polis. Political studies*. 2021, N 5, P. 56–77. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05> (In Russ.)

Литература на русском языке

Внутриполитическая повестка дня как фактор единства современной России: монография / под ред. А.В. Глуховой. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. – 248 с.

- Глухова А.В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // ПОЛИС. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 49–68. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.05>
- Глухова А.В. Миграционный фактор в политических процессах современной Европы (конфликтный потенциал и новые стратегии общественной интеграции) // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. – 2018. – Т. 14, № 4. – С. 444–464. – DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2018.401>
- Кастелье М. Власть коммуникации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 591 с.
- Коргунюк Ю.Г. Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 95–112. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.08>
- Лейнхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
- Семененко И.С. Категория развития в современном научном дискурсе: социальные науки в преддверии «этического поворота» // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 2. – С. 25–45. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03>
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 5. – С. 56–77. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.05>
- Хиришман А.О. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность [Текст] / пер. с англ. Д.А. Уэланера; под науч. ред. А.А. Смирнова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 208 с.